

МЫСЛЬ И ЕЕ «ОДЕЯНИЯ»

Герасимова Ирина Алексеевна,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0003-4656-3100

home_gera@mail.ru

Аннотация

В статье развивается методологическая концепция, основу которой составляют принципы философии сложности. Автор считает, что обсуждение проблем рациональности в пространстве многообразия культур будет бесперспективным, если не учитывать когнитивные и социокультурные аспекты смыслопорождения. Автор обращает внимание на коммуникационный характер смыслообразования, который усиливается в условиях глобализации. Такие формы организации коллективного мышления, как междисциплинарный и трансдисциплинарный диалог, распространились и на философское сообщество. Отличительной чертой историко-философского исследования остается особая внимательность к текстовым артефактам, но в понимании истории познания и этнических менталитетов должны внести свою лепту и современные методологии.

Автор предлагает методологическую модель смыслопорождения, основу которой составляет координатная сетка осей. В качестве несущих конструкций автор вводит оси: сознательное–бессознательное, явное–неявное (скрытое), внешнее–внутреннее, линейное–нелинейное, порядок–хаос, простое–сложное, рефлексивное–дорефлексивное, дискретное–континуальное. Генезис этнокультурных ментальностей происходил в уникальных природных, культурно-исторических и языковых условиях. Как следствие, культуры могут различаться типами восприятия пространственно-временных отношений, что отражено в многообразии моделей пространства-времени. Проблема сопряжения личного, природного и социального темпоральных поставлена А.А. Крушинским, который представил гексаграммную модель времени как игру игрока-личности и игрока-социума.

В сложном процессе смыслообразования выделен осознанный слой языка и речи, полусознанный слой образов, бессознательный слой состояний и дорефлексивного понимания. В ходе глобальной когнитивной эволюции происходили революционные повороты в сторону развития осознанной речи из недр бессознательного. При этом разные культуры имели свои траектории развития рациональности, вырабатывая специфические языки и ментальные модели. Идеографический язык типа китайского стимулировал развитие пространственно-образного мышления на основе ви-

зуальных алгоритмов. В алфавитных языках индоевропейского типа линейность речи составляет лишь внешний план выражения, тогда как нелинейная пространственность (геометрический стиль) смыслообразования работает во внутренних измерениях.

Обсуждая ноуменальные источники смыслообразования, автор обращается к осмыслению природы мысли в духовных философиях и современных когнитивных исследованиях. Научные исследования глубинных, дорефлективных слоев понимания в общей структуре и динамике смыслообразования могут внести новое измерение в дискуссию по «географии рациональности». В глобальном мире при взаимодействии уникальных культур формируются новые гармоничности общепланетарного сознания.

Ключевые слова: мысль, смыслопорождение, сознание, бессознательное, субъект, сложность, реальность, нелинейность, истина, пространство, время, геометрия, «география рациональности».

Библиографическое описание для цитирования

Герасимова И.А. Мысль и ее «одеяния» // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 57–76. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-57-76.

В докладе Андрея Андреевича Крушинского на круглом столе «География рациональности» [16] поставлено множество вопросов когнитивного характера, без прояснения которых очередная дискуссия по «географии рациональности» не будет успешной. Во-первых, нет ясности в терминологии, которая заимствована из синергетики и обрастает новыми смыслами в иных гуманитарных областях (прежде всего это касается концепта «нелинейности»). Во-вторых, фундаментальная проблема природы мысли, включая проблемы смыслообразования, формообразования, репрезентации, коммуникации, понимания, перевода, по моему мнению, является ключевой в сравнительном анализе языков и ментальностей этносов, а также в ответах на вопрос о возможности общих знаменателей и универсалий культур. Андрей Андреевич коснулся проблемы природы мысли, но не раскрыл ее когнитивных оснований. В докладе задействован концепт «пространственная мысль» (= «нелинейная», «пространственно-образная»), и неявно предполагается, что можно говорить о «временной мысли» (= «линейной», последовательной). Нелинейный характер древнекитайского философского текста, по мысли докладчика, является его отличительной чертой. Образно-схематическая «нелинейность» противопоставляется «линейным» непероглифическим языкам фонетического характера и тем самым заданным способам восприятия и коммуникации. Привычки «линейного» языка навязывают «искаженные» и «ложные» модели восприятия нелинейной гексаграммности китайского стиля мышления.

В данном контексте встает вопрос о пространстве и времени как способах организации ментальных реальностей и их воплощениях в текстах. Те-

зис о множестве реальностей обсуждается в эпистемологии, методологии науки и в том числе в философии сложности, которая развивает синергетический подход [10, 35, 36]. Концепты «сложность», «нелинейность», «реальность» системно-неразрывны. Осознание сложности реальности (природной, социальной, культурной, экзистенциальной) в условиях дифференциации знания и общественных коммуникаций предполагает «сложность» и «нелинейность» ее познания [10]. Концепты «сложность» и «сложность» обогатились множеством смыслов, в конкретных ситуациях анализа и у разных авторов они могут быть взаимозаменяемы. «Сложность», как правило, употребляется в аспекте коммуникативно-познавательных (субъект-субъект-объектных) отношений, тогда как «сложность» – в аспекте познавательных (субъект-объектных) отношений, но это разделение не жестко. Применительно к проблемам, поставленным в докладе Крушинского, можно употреблять оба понятия. Не расширяя тематики, мы сосредоточимся на вопросах конструирования ментальных и социокультурных реальностей, их соотношения, возможных сочетаний и сопряжений. Ключевой предпосылкой модели будет служить тезис о многоуровневом смыслопорождении, включая динамику бессознательного и сознательного. В контексте указанных предпосылок будут рассматриваться разные грани проблемы «географии рациональности».

Текст и коммуникативная природа смыслопорождения

Процесс конструирования смыслов можно описать в терминах пространства-времени («хронотопа») с многочисленными уровнями и осями. Употребление термина «ось» в данном контексте мы заимствовали из работы А.В. Волошинова и Ю.В. Таболяновой [6]. Стержневыми осями для нашего исследования будут сознание–бессознательное, феноменальное–ноуменальное, социальное–личностное. В зависимости от целей анализа можно ввести и другие оси: хаос–порядок, скрытое–явное, линейное–нелинейное, простое–сложное, определенное–неопределенное, дискурсивное–недискурсивное, дискретное–континуальное и пр. Ментальные реальности конструируются благодаря сопряжению разных осей координат.

Если принять во внимание динамику смысло- и формообразования по оси сознания–бессознательного, то можно выделить разные слои – поверхностные, пограничные, глубинные. Поверхностный слой – сфера выхода скрытых смыслов на «поверхность осознанности» с помощью языка и логики (способности конструирования теоретических схем), сфера придания смыслам видимых и доступных для действия форм, а затем доступная проверке наглядность действия. Придание смыслам форм может идти как вербальным, так и предметно-образным путем. В науке, например, наглядные языки в виде схем и графиков несут структурно-информационную нагрузку.

Полуосознаваемые слои характерны для проявления психоэмоциональных состояний, переживаний, желаний, волевых побуждений. В искусстве психоэмоциональные состояния передаются через образы и символы, в организации научного исследования большую роль играют поэтические метафоры. Пограничные слои по оси сознания–бессознательного переживаются как довербальные состояния, озарения, инсайты, ясные интуиции или смутно осознаваемые предчувствия, эмоциональные волнения. Полуосознаваемые переживания могут дать импульсы для сознательного творчества или совершения действия.

Глубинные слои бессознательного отчасти описаны в психологии творчества, в большей степени о них заявлено в практиках самореализации и философских учениях, с ними связанных.

Рассмотрим с этих позиций проблему различий разных типов языков и способов конструирования ментальных реальностей (символических миров).

Любой текст как артефакт культуры и коллективного сознательного творчества представляет собой сложное, многосоставное образование. Дошедшие до наших времен древние тексты за время своего существования, как правило, были переработаны переписчиками, интерпретаторами, комментаторами, представителями школы и оппонентами. Приведу пример из сферы моих профессиональных интересов. Открытые в древлехранилищах древнерусские тексты, особенно рукописные, подлежат в первую очередь кропотливой обработке профессиональными филологами, задача которых – восстановить текст, в котором есть стертые места, обрывки и пр. Специальными задачами являются восстановление по характеру письма (и иным признакам) времени и места создания текста, индивидуальных особенностей писца, сравнительный анализ прототипов, списков, а также переводов на разные языки (если таковые имеются). На основе воссозданных текстов к работе подключаются переводчики, а затем научные и философские интерпретаторы и комментаторы.

Работа разных специалистов ведется на разных этапах, но в научном сообществе она нелинейна, что конституирует многомерное социальное пространство бытия текста. Введенные в оборот тексты каждый раз пересматриваются, дискутируются, в том числе и в отношении ранних этапов текстовой реконструкции. Таким образом, каждый введенный в научный оборот реконструированный текст – и результат, и продолжающийся процесс работы множества специалистов. Частью историко-философского исследования является историографическая работа по прояснению источников и интерпретаций, но в философской акцентуализации (Рыков С.Ю.) многомерность текста частично упрощается по причине следования опре-

деленным целям. По моему мнению, непримиримость дискуссии вокруг древнекитайских текстов обусловлена разной оптикой исследователей, нежеланием гештальт-переключения видения, смены оптики, выхода на уровень синтетических обобщений. Впрочем, не исключены и заблуждения по когнитивно-коммуникационным причинам «острозаточенности» на своей проблеме.

В сложной динамике многостороннего межкультурного философского диалога задействовано прошлое, настоящее и будущее. В практику философского исследования вошел взаимообмен методологиями. Свидетельства тому – процессы, происходящие в самой философии, когда одна дисциплина взаимодействует с другой, порождая междисциплинарные и трансдисциплинарные дискурсы [29]. Проблема «географии рациональности» вышла за пределы историко-философской проблемы.

В этом контексте предложение С.Ю. Рыкова о различии между методологиями «софиста», «философа» и «историка философии» нуждается в уточнении. Различия, безусловно, остаются, но уточним: позиция «философа» не ограничивается работой с универсальными схемами. К сожалению, философские работы, в отличие от историко-философских, грешат абстрактно-универсалистским языком. Но не все. Набирают вес case-study. В эпоху глобальных перемен, охвативших планету и всё разнообразие культур, переосмысливается прошлое и философские методологии могут найти применение в конкретно-исторических исследованиях. Например, при анализе знания древнего типа могут быть использованы достижения методологии научного познания и когнитивные подходы [9].

Оси смыслообразования

Вопрос о нелинейности текстов на основе образно-символического мышления требует уточнения. Такого рода тексты явно нелинейны, но будем различать явную и скрытую нелинейность. Скрытая нелинейность касается сложных, часто спонтанных процессов смыслообразования, формообразования, репрезентации смыслов в словесном или графическом текстах.

В отличие от западноевропейской, китайская философская мысль развивалась на основе иероглифического языка. Если вспомнить феномен «греческого чуда», то революционный поворот в мышлении был во многом обусловлен лингвистической причиной – освоением алфавитного письма и развитием логико-вербального мышления. При этом прежние системы мышления и старое знание с опорой на магию, мистериальные действия, мифологические образы не исчезло, а трансформировалось в новой культурной ситуации в рациональные, в том числе натурфилософские, системы мышления.

С точки зрения языка происходил «перевод» символов-образов на язык понятий. В свою очередь, становление понятийного языка стимулировало развитие логики и теоретического мышления, открывая новые возможности для конструирования ментальных реальностей и доведения мыслеформ до ясности путем процедур обоснования. Из мистерий зарождался театр и цирк, из природной магии – технологии, из языка пластики мистериального танца и поэзии – язык натурфилософии. Становление интеллекта через формы языка и практического действия сочеталось с духовными формами непосредственного знания – озарениями пророков, прорицателей и поэтов. Благодаря пифагорейцам, союз добра и красоты воспринимался как критерий истины [4]. Отсюда понимание Логоса как начала разумного порядка у греков многогранно, охватывает все сферы и глубины творческой мысли. Согласно неопифагорейцу Теону Смирнскому, платоновский Логос организует речь, построение доказательной мысли (силлогизмы), конструирование форм с помощью числовых пропорций, воплощение форм в стихийных соответствиях: «это размышление без голоса; мысль, изреченная в звуке; объяснение элементов Вселенной; и это пропорция» [2, с. 462].

В краткой формуле Теона Смирнского соединены оси пространства–времени, явного–скрытого, микрокосма–макрокосма, линейности–нелинейности. «Мысль, изреченная в звуке», речь разного рода или музыка внешне проявляют себя в последовательно-временном порядке. Но «размышление без голоса» и последовательный, и ассоциативный феномен, который задействует ось пространства–времени. За внешней формой силлогистики Аристотеля скрываются пространственно-геометрические формы и визуальные алгоритмы (логический квадрат, круги Эйлера). В скрытом измерении целостности музыка как «временное» искусство ритма приобретает свойства пространства-гармонии. «Стихийные соответствия» и пропорции, выразимые и конструируемые с помощью числа в его древнем понимании, выстраиваются на оси пространства-времени. Согласно исследованию А.В. Волошинова, для каждого исторического времени в искусстве доминирует тот или иной принцип числа: «Античность можно назвать эпохой зеркальной симметрии, Средневековье – эпохой пропорции, Ренессанс – эпохой золотого сечения, Новое время – эпохой ритма» [5, с. 102].

Нетрудно усмотреть сходные черты в принципах китайской и пифагорейской натурфилософии относительно понимания природы числа. Предназначение числа, говоря современным языком, натурфилософы усматривали в математическом моделировании. Принцип красоты как высшего идеала гармонии («соединения», «скрепы») в научном аспекте выражался через понятия симметрии, пропорции, аналогии, ритма. В космо-

генезе пифагорейцев символическое число вместе с формой и пространством порождают вещный мир, соединяя ноуменальное и феноменальное. Пифагорейская тетрада («священная четверка», тетраксис) в компактной формуле отражала космогенез по осям хаос–порядок, ноуменальное–феноменальное, внутреннее–внешнее. Единица – символ невыразимого, трансцендентного начала Бога, Двойка – символ материи. Тройка, объединяющая Единицу и Двойку, – символ начала, порождающего феноменальный мир, а Четверка – символ завершения. Тетрада порождала декаду ($1 + 2 + 3 + 4 = 10$), символически заключающую в себе весь космос.

В китайском *И Цзине* иная модель реализации принципов числа, но и ее основу, как у греков, составляет принцип пропорции и двуединства сочетаний нечета (ян) и чета (инь). И еще одно важное сходство когнитивного свойства – визуально-алгоритмическое мышление, оперирующее числовыми закономерностями через наглядные образы чисел: у пифагорейцев – фигурно-точечных, в *И Цзине* – гексаграммных. Числовые схемы никак линейными не назовешь. В Новое время Лейбниц создаст первую вычислительную модель с нулем и единицей, прототипом которой послужат древние манипуляции чета (инь) и нечета (ян) [19].

Временная линейность произнесения в устной речи не заменила пространственно-образный стиль мышления, который перешел в скрытые измерения смыслообразования. Ритм и гармония – системообразующие элементы музыки и пластических искусств, пропорция и симметрия – основы пространственных искусств и в целом технэ. Что же происходило на заре рационально-лингвистического поворота, «греческого чуда»? Можно отметить, что пространственность в рациональном мышлении переходила в скрытое измерение бессознательного, из глубины порождая многозвучную и полиритмическую гармонику мысли.

На ранних этапах когнитивной эволюции разумное чувство (проникновенное понимание) творило образцы гармонии. Позже был развит интеллект и связанная с ним рациональная наука. Благодаря непревзойденным орнаментам греческих ваз, воплощавших законы зеркальной и переносной симметрии, VIII век до н. э. был назван веком геометрического стиля. По законам симметрии выстраивались не только графические изображения и архитектурные пропорции, но и поэзия того времени, времени Гомера. Согласно исследованию А.В. Волошинова, «Илиада», внутренне выстроенная по законам зеркальной и переносной симметрии, насчитывает, по крайней мере, пять уровней самоподобия: «уровень всей поэмы, уровень смысловых блоков (песен) поэмы, уровень крупных частей песен, уровень мелких частей песен и уровень монологов» [5, с. 107].

Исторические судьбы греческой и китайской логико-математической мысли сложились по-разному. В «Началах» Евклида ось пространства-вре-

мени соединила алгоритмы визуального конструирования и логико-дедуктивные методы доказательства. С развитием геометрической алгебры визуальные алгоритмы в вычислительных техниках уступают место алгебраическим числовым методам, но в век цифровых технологий эвристическая ценность наглядных методов вновь находит свое достойное применение. Развитие логики акцентуализировало внимание на логико-дедуктивных формах геометрических доказательств (косвенные доказательства от противного, рассуждения по случаям, индуктивные определения и пр.), но в соединении с визуальными алгоритмами они входят в состав генетически-конструктивного метода построения теорий [7, 22].

Стратегическое мышление китайцев доциньской эпохи по типу игрового конструирования, о чем пишет Крушинский [16], по существу, представляет собой специфический китайский вариант генетически-конструктивного метода.

В нашем подходе пространство-время образуют одну из системообразующих осей природных, культурных и ментальных реальностей. Если акцентировать внимание на аспекте времени, то можно выделить множество моделей репрезентации времени, которые вырабатывали разные культуры и по которым они обустроивали свою жизнь согласно специфическому восприятию времени. В мифологическом многоуровневом устройстве космоса нижний мир предков и духов, мир человека и мир высших богов соединялся пространственно-временной осью Мирового Древа. Архаическое время циклично, но сами циклы воспринимались по-разному оседлыми и кочевыми народами. Как правило, оседлые этносы не усматривали ничего нового в ежегодном чередовании природных событий, тогда как для кочевых племен в природе новых земель открывалось нечто уникальное [1].

Египетские жрецы, изучавшие сакральные причины феноменального мира по знакам движения звездных светил, фиксировали космические циклы огромных масштабов, вплоть до числа прецессии [24]. Практическая астрология знала 11-летние циклы, как сегодня метафорически объясняет современная гелиоастрономия, «дыхания Солнца» – периоды максимумов и минимумов солнечной активности. С учетом этого цикла во времена правления русского царя Алексея Михайловича Тишайшего придворному медику и астрологу Андреасу Энгельгардту удалось предсказать чуму. В России были вовремя проведены превентивные меры с учетом этого предсказания наряду с бдительным отслеживанием ситуации в Европе [20]. В практике календарей цикличность просто передавалась через модели табличного (матричного) времени, когда по вертикальным и горизонтальным осям выделяют семь дней четырех недель и числа месяца.

Творчество по созиданию реальностей культуры и будущего придает времени линейный и необратимый характер, но линейность – лишь общая канва социально-исторического времени. В рациональных рефлексиях время приобретает характеристики пространства («опространственное время»). В ментальных реальностях время начинает ветвиться в будущее, которое всегда альтернативно в глобальной реальности. Время ветвится и в прошлом: в исторических моделях в условиях усиления полюса неопределенности по оси определенности–неопределенности, а в ретроальтернативистике оно приобретает виртуальные черты («что бы было, если бы»). В сложной реальности физическое сопрягается с психическим, природное – с культурным. Придание смыслов физической среде обитания в разных культурах порождает особые символические миры, которые становятся предметом исследования культурной географии [18, 32].

Метамомент настоящего в творческой лаборатории мыслителя создает многомерные реальности многочисленных осей сопряженного пространства-времени. В социальных реальностях будущее уживается с прошлым и настоящим, вечное пронизывает временное. Можно наблюдать взаимопроникновение времен – не только прошлого и будущего в настоящем, но и будущего в прошлом, прошлого в будущем; возможны и более сложные сочетания. В коллективной мысли века телекоммуникаций время обретает образы сети. Разная скорость протекания уникальных природных, социальных и психологических процессов ставит проблему сопряжения разных темпомиров [14].

Именно проблема сопряжения личного, природного и социального темпомиров поставлена в работе А.А. Крушинского, который в общих чертах обрисовал гексаграммную модель времени как игру игрока-личности и игрока-социума. Нетрудно заметить, что паттерны ситуаций, прописанные в *II Цзине*, в рациональной модели отражают принципы астрологических практик. Космические, общеприродные циклы в китайской культуре, как и в иных культурах, коррелировали с культурно-социальными процессами, создавали фоновую реальность, в которой реализовались устремления и действия личности. Для рациональных китайцев фатализма можно было избежать, обучившись благодаря прогностически-игровым способам мышления, сочетанию желаний с качеством времени. Для исследований по географии рациональности проблема восприятия рациональных моделей времени в разных культурах – одна из интереснейших.

Ноуменальные источники смыслообразования

Генезис символических образов – предмет дискуссионный. При натуралистическом понимании, как это просматривается в докладе Крушинского, образы-схемы в своих истоках происходят от конкретных впечат-

лений внешней действительности. Согласно симуляционной модели Л. Барсалоу, ментальные репрезентации схожи с репрезентациями непосредственного опыта [26], что согласуется и с феноменологическим подходом. Н.В. Зайцева поясняет симуляционный подход применительно к семантическим установкам Гуссерля: «когда субъект думает о конкретной сущности, он ментально симулирует восприятие и взаимодействует с этой сущностью, как бы собирает конструктор из деталей прошлого опыта» [11, с. 47]. В сложной феноменологической реальности протекают нелинейные процессы смыслообразования во взаимодействии и взаимосогласовании разных уровней – стратегий распознавания образов (конструирования предмета) и логической типизации (конструирования логико-лингвистической схемы).

В многообразном мире создаваемых человеком вторичных, искусственных реальностей порождение образов происходит в фактуре этих вторичных реальностей. В высоко абстрактных областях теоретической науки образы выходят на высокий уровень абстракции. При этом не исключены пояснения через метафоры и образы конкретно-чувственного мира вещей. В конструировании новых реальностей продуктивное воображение опирается на образы уже сложившихся реальностей. Фактура реальностей в своем многообразии постоянно динамична и нелинейна.

Есть еще один источник генезиса образов, который указывается в философской литературе, – озарение. Следуя латинской традиции, в эпистемологии употребляют термин «интуиция», но для человека русской ментальности слово «интуиция» не несет яркой эмоциональной окраски, тогда как исконно русское «чутье» говорит о глубинном источнике понимания и знания. В опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» герой поет: «Чуют правду». «Чуют правду» – знать не из доказательств, а внутренне, сердцем. В большинстве контекстов русского языка истина требует рассуждения и обоснования, но правда (праведность, справедливость) улавливается чутьем изнутри, как бы ниоткуда [15].

В ходе многопоточковой (нелинейной) когнитивной эволюции можно наблюдать и мейнстрим, то, что в литературе иногда называют «выворачиванием изнутри наружу», переходом от внутреннего созерцания и понимания к внешнему осознанию с последующим наращиванием более сложной когнитивной структуры по оси бессознательного (духовного) – сознательного (интеллектуального). В недрах символического восприятия созревали предпосылки рационально-логического выражения смыслов и в истории русской ментальности. Как отмечает исследователь древнерусского языка и мышления В.В. Колесов, с распространением христианской культуры формируемая благодаря переводческой деятельности абстрактная духовная лексика несла на себе печать перехода от «вещей-символов»

к абстрактным «словам-символам», и к XVIII в. символические образы создают основу для генезиса отвлеченных понятий [15, с. 275]. Философские понятия с приставкой «с- (со-)»: *сознание, совесть, совершенствование, смысл, созерцание* – имеют символическое происхождение, где символы передавали способы восприятия и понимания через непосредственное духовное созерцание.

Согласно древнерусской традиции, запечатленной в памятнике книжности «Палей Толковая», мысль человека праведного может достигнуть мира ангелов и получить совет оттуда [8]. Мысль по своей природе – пространственна, она соединяет мир человека с невидимыми мирами смыслообразования. Идею онтологичности мысли (смысла) в русской философии развивает П.А. Флоренский. «Флоренский в целом ряде работ настаивает на том, что мысли не только существуют в духе платоновского вечного и неизменного царства идей, но представляют собой своеобразные *индивидуальные живые сущности*, включенные в единую живую реальность Космоса, с которыми сложно и многомерно взаимодействует индивидуальная человеческая мысль» [13, с. 95].

Идея пространственности мысли проходит через духовные традиции разных культур. Поясняя единство бытия, исходя из тождества Бога и мира, великий шейх суфизма Ибн Араби в девятой главе «Гемм мудрости» развивает учение о «мирах воображения» (*алам ал-хайал*). У каждого человека свой мир воображения: образы, идеи, мыслеформы, теоретические схемы. Человек так устроен, что без мира воображения не смог бы ни мыслить, ни понимать. В зависимости от уровня психоментального развития человеку доступны низшие или высшие области иерархически устроенного Мира воображения (планетарного уровня – *II. Г.*). Согласно Ибн Араби, миры воображения пророков как «людей Божьей опеки» отличаются от миров воображения обычных людей. Ибн Араби делает философский вывод: «И если миропорядок таков, как мы утверждаем, то знай, что ты есть воображение (хайал), и всё, что ты постигаешь и о чем высказываешься, есть не что иное, как воображение. Значит, всё бытие – воображение в воображении» [12, с. 163]. Миры воображения пророков достигают сферы ноуменов, а затем идет процесс облечения мысли в формы, доступные сознанию. В предпосылках этого рассуждения содержится идея онтологичности смысла, которую развивает в своей концепции логики смысла А.В. Смирнов [21].

Научный интерес к созерцанию, медитации и иным формам непосредственного познания подкрепляется новыми возможностями нейро- и когнитивных наук. С экспериментально-психологической точки зрения исследуется вопрос о влиянии медитации на внутренние состояния человека и на его поведение в социуме [27, 28, 31, 33]. Представляет несомненный

интерес исследование конкретных феноменов, которые могут внести новое понимание в обсуждение проблем географии рациональности. Одна из таких проблем – проблема связи внутреннего сознания с культурными символическими мирами.

Переписка физика Вольфганга Паули с психологом Карлом Юнгом породила множество вопросов и для психологии, и для философии. Как известно, из глубокой депрессии Паули выходил переживанием в сновидениях мандалы – тибетского символа Универсума [34]. Исследователи ставят вопрос: как мандала – архетип целостности – может спонтанно возникать в глубинах психики современного человека и оказывать терапевтическое воздействие [30]? Можно задать еще одним вопросом: почему в измененном состоянии у человека западной ментальности возникают в глубинах психики символы иной, не западной культуры? Данный вопрос задействует фундаментальную проблему сочетания универсального и индивидуального в эволюции каждого человека.

Вернемся к истокам философствования в древнегреческой традиции и пояснениям Платона о многоуровневом смыслообразовании в синергии с миром эйдосов. Согласно Платону, математические объекты и математическое знание выполняют роль промежуточного звена в реализации архетипических идей в предметах чувственного мира. Процесс математического конструирования смыслов, если воспользоваться феноменологической терминологией, интенционален, направлен на предмет. Любые внешние знаки – имена, определения, чертежи – можно рассматривать как внешние стимулы мысленных репрезентаций. В «Государстве» Платон пишет: «Но ведь когда они вдобавок пользуются чертежами и делают отсюда выводы, их мысль обращена не на чертеж, а на те фигуры, подобием которых он служит. Выводы свои они делают только для четырехугольника самого по себе и его диагонали, а не для той диагонали, которую они начертили. То же самое относится к произведениям ваяния и живописи: от них может падать тень, и возможны их отражения в воде, но сами они служат лишь образным выражением того, что можно видеть не иначе как мысленным взором» (Государство. Кн. 6. 510d-e) [23].

Суммируя сказанное относительно математического познания, Платон пишет: «Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень – это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое – это имя, второе – определение, третье – изображение, четвертое – знание... Всё это нужно считать чем-то единым, так как существует не в звуках и не в телесных формах, но в душах...» (Письма. 342a–343b) [23].

Согласно греческим натурфилософам, устремленный к истине человеческий логос взаимодействует с божественным Логосом через язык. Слово и речь ставятся проявителями знания духа (бессмертной части души по Платону), общения со-знаний духовного учителя и ученика. В учении Платона знание-припоминание (в душе) достигается подражанием Творцу-демургу, в логико-лингвистической концепции Аристотеля знание достигается следованием природе.

Философские и когнитивные исследования онтологии смысла ставят проблему глубинного смыслопорождения и потенциала непосредственного знания. Изучение способности человеческого разума выходить за пределы видимого мира, постигать суть вещей, направленность эволюции в общем ритме космоса, по осям явного–скрытого, сознательного–бессознательного, на наш взгляд, поможет найти ответы на вопросы об универсальном и уникальном в структуре человеческого разума. Суммируя сказанное, сделаем вывод: смыслообразование может иметь разные источники: впечатления и опыт переживания внешней действительности, вторичные реальности культуры, ноуменальные сферы с последующим приданием формы в образах и логико-лингвистических конструктах.

И вновь возникает теоретическая проблема – что считать рациональным? Будем ли считать рациональными практики владения искусством дорефлексивного понимания сути вещей, ведь зрелая способность предполагает управление ею? Как показывает анализ китайской ментальности и языка, способы понимания могут иметь характер непосредственного знания с опорой на визуальное восприятие с последующим безошибочным действием.

Выводы

Причины сложности и нелинейности любого историко-философского текста разнообразны. Текст как артефакт культуры изначально является продуктом коллективного творчества. Текст во вторичных интерпретациях историков, филологов, философов нагружен новыми смысловыми образованиями и, как правило, пересмотром прежних. Линейная вербальная речь – лишь внешний уровень репрезентации смыслов. Анализ структуры мысли в сферах литературы и искусства, науки и философии вскрывает сложность и нелинейность смыслообразования по осям явного и скрытого, сознательного и бессознательного. Китайский тексаграммный стиль – одна из специфически исторических моделей пространственного представления смысла. Препград между линейной фонетической и нелинейной смысловой репрезентацией нет. Анализ многоуровневого смыслообразования позволяет выдвинуть гипотезу об эффективности дорефлексивного понимания на глубинном уровне бессоз-

нательного. Понимание на уровне глубинных смыслов (принципов) – универсальный способ понимания, тогда как различие возникает в способах выражения в специфических этноязыковых системах. Идея онтологии смысла, разрабатываемая А.В. Смирновым, представляется плодотворной для дальнейших философских рефлексий в отношении географии рациональности. При принятии принципов сложности, многообразия реальностей, сложносоставного характера субъекта онтология смыслов становится многоуровневой, разно- и многопотоковой. В отношении проблемы универсалий (общечеловеческого) и разнообразия (уникального) культур можно предложить интегративное решение, опираясь на метафоры музыки. Без разнообразия не было бы гармонии («соединения различного»), без диссонансов не было бы развития, но именно консонансы придают естественное благозвучие различному. Иначе мир бы распался. Цель межкультурных коммуникаций и проста, и сложна – научиться понимать друг друга и сотрудничать.

Литература

1. Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред, примеч., справ. раздел И.А. Рака. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: Журнал «Нева»: Летний сад, 1998. – 480 с.
2. Афонасин Е.В., Афонасина А.С., Шетников А.И. Пифагорейская традиция. – СПб.: РХГА, 2014. – 747 с.
3. Волошинов А.В. Гомер – Данте – Солженицын: фракталы искусства // Языки науки и искусства. – М.; Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2004. – С. 153–160.
4. Волошинов А.В. Пифагор: союз истины, добра и красоты. – 2-е изд. – М.: URSS, 2007. – 224 с.
5. Волошинов А.В. Еще раз о математической традиции красоты // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 102–112.
6. Волошинов А.В., Таболянова Ю.В. Хаос древний и современный // Человек. – 2018. – № 4. – С. 49–65.
7. Герасимова И.А. Конструктивизм как логический стиль. Проблема китайской логики // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 128–146.
8. Герасимова И.А. О природе мысли. По материалам древнерусской книжности // Философские науки. – 2017. – № 10. – С. 39–54.
9. Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов В.А. Сокровенные знания Древней Руси. – М.: Кнорус, 2015. – 688 с.
10. Сложность и проблема единства знания. Вып. 2. Множественность реальностей в сложном мире / И.А. Герасимова, М.Р. Бургете Аяла, Л.П. Киященко, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2019. – 252 с.
11. Зайцева Н.В. Симуляция в аргументации // Рацио.ru. – 2011. – № 6. – С. 36–55. – URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3159> (дата обращения: 22.08.2020).

12. *Ибн Араби*. Избранное. Т. 1 / пер. с араб., введ. ст. и коммент. И.Р. Насырова. – М.: Языки славянской культуры: Садра, 2013. – 216 с.
13. *Иванов А.В., Фотиева П.В.* Философия мысли Павла Флоренского // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 92–110.
14. *Клязева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
15. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 480 с.
16. *Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая // Философский журнал. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 111–127.
17. *Крушинский А.А.* Субъект, пространство, время: как читать древнекитайский текст [Электронный ресурс] // Крутой стол «География рациональности» (Институт философии РАН, 31 марта 2020 г.). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rB6PSXi0vhY> (дата обращения: 03.06.2020).
18. *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. – М.: Ин-т Наследия, 2010. – 330 с.
19. *Лейбниц Г.В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / изд. подгот. В.М. Яковлев. – М.: ИФ РАН, 2005. – 404 с.
20. *Симонов Р.А.* Русская астрологическая книжность (XI – первая четверть XVIII века). – М.: Мир книги, 1998. – 147 с.
21. *Смирнов А.В.* Логика смысла: теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.
22. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
23. *Платон*. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmus, А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4. – С. 79–420.
24. *Якимова Н.Н.* Фракталы Вселенной и золотое сечение: структурное и ритмическое единство мира. – М.: URSS, 2008. – 368 с.
25. Atom and Archetype. The Pauli/Jung Lettes, 1932–1958 / Ed. by C.A. Meier. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014. – 320 p.
26. *Barsalou L.W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – N 22. – P. 577–660. – URL: <http://www.cogsci.ucsd.edu/~coulson/203/barsalou.pdf> (accessed: 22.08.2020).
27. Does your mindfulness benefit others? A systematic review and meta-analysis of the link between mindfulness and prosocial behavior / J.N. Donald, B.K. Sandra, B. Van Zanden, J.J. Duineveld, P.W.B. Atkins, S.L. Marshall, J. Ciarrochi // British Journal of Psychology. – 2019. – N 110 (1). – P. 101–125. – DOI: 10.1111/bjop.12338.
28. Mind the Hype: A Critical Evaluation and Prescriptive Agenda for Research on Mindfulness and Meditation / N.T. Van Dam, M.K. van Vugt, D.R. Vago, L. Schmalzl, C.D. Saron, A. Olendzki, T. Meissner, S.W. Lazar, C.E. Kerr, J. Gochov, K.C.R. Fox, B.A. Field, W.B. Britton, J.A. Brefczynski-Lewis, D.E. Meyer // Perspectives on Psychological Science. – 2018. – N 13 (1). – P. 36–61. – DOI: 10.1177/1745691617709589.

29. Who is doing inter- and transdisciplinary research, and why? An empirical study of motivation, attitudes, skills, and behaviours / M.H. Guinaraes, C. Pohl, O. Bing, M. Varanda // *Future*. – 2019. – Vol. 112. – P. 102441. – DOI: 10.1016/j.futures.2019.102441.
30. *Jung C.G. Dream Symbols of The Individuation Process. Notes of C.G. Jung's Seminar on Wolfgang Pauli's Dreams* / Ed. by S. Gieser. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2019. – 371 p.
31. *Kreplin U., Farias M., Brazil I.A.* The limited prosocial effects of meditation: A systematic review and meta-analysis // *Scientific Reports*. – 2018. – Vol. 8 (1). – P. 2403. – DOI: 10.1038/s41598-018-20299-z.
32. *Lavrenova O.* Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes. – Cham, Switzerland: Springer, 2019. – 216 p.
33. A Systematic Review and Meta-analysis of the Effects of Meditation on Empathy, Compassion, and Prosocial Behaviors / C.M. Luberto, N. Shinday, R. Song, L.L. Phipotts, E.R. Park, G.L. Fricchione, G.Y. Yeh // *Minfulness*. – 2018. – N 9 (3). – P. 708–724. – DOI: 10.1007/s12671-017-0841-8.
34. The case for a semiotic method in Earth system science: Semantic networks of environmental research / A. Olteanu, F. Rabitz, J. Jurkeviciene, A. Budzyte // *Sign Systems Studies*. – 2019. – Vol. 47 (3/4). – P. 552–589.
35. *Santos G.C.* Philosophy and Complexity // *Foundations of Science*. – 2013. – Vol. 18 (4). – P. 681–686. – DOI: 10.1007/s10699-012-9321-8.
36. *Weaver W.* Science and Complexity // *American Scientist*. – 1948. – Vol. 36. – P. 536–544.

Статья поступила в редакцию 13.05.2020.

Статья прошла рецензирование 13.06.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-57-76

THOUGHT AND ITS “GARMENTS”

Gerasimova Irina,

Dr of Sc. (Philosophy), Professor,

Main Researcher, Institute of Philosophy RAS,

12, bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, 09240, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-4656-3100

home_gera@mail.ru

Abstract

The article develops a methodological conception. It is based on the principles of the philosophy of complexity. The author believes that the discussion of the problems of rationality in the space of cultural diversity will be futile if we do not take into account the cognitive and socio-cultural aspects of meaning generation. The author draws attention to the communicative nature of meaning formation, which is increasing in the context of globalization. Such forms of organization of collective thinking as an interdisciplinary and transdisciplinary dialogue spread to the philosophical community. A distinctive feature of historical and philosophical research remains a special attention to textual artifacts, but modern methodologies must also contribute to the understanding of ancient knowledge and mentality.

The author offers a methodological model of meaning generation. The coordinate grid of axes is its basis. As bearing axes, the author introduces: conscious-unconscious, explicit-implicit (hidden), external-internal, linear-nonlinear, order-chaos, simple-complex, reflexive-pre-reflexive, discrete-continuum. The Genesis of ethno-cultural mentalities took place in unique natural, cultural, historical and linguistic conditions. As a result, cultures can differ in the types of perception of space-time relations. This is reflected in the variety of space-time models. The problem of pairing the personal, environmental and social worlds of time by A.A. Krushinskiy. He presented the hexagram model of time as a game of player-personality and player-society.

In the complex process of meaning formation, the author identifies the conscious layer of language and speech, the semi-conscious layer of images, the unconscious layer of states and pre-reflexive understanding. In the course of global cognitive evolution, there were revolutionary turns towards the development of conscious speech from the depths of the unconscious. At the same time, different cultures had their own trajectories of rationality development, developing specific languages and mental models. Ideographic language such as Chinese stimulated the development of spatial-imaginative thinking based on visual algorithms. In alphabetic languages of Indo-European type, the linearity of speech is only the external plan of expression, while the nonlinear spatiality (geometric style) of meaning formation works in internal dimensions.

Discussing the noumenal sources of meaning formation, the author addresses the understanding of the nature of thought in spiritual philosophies and modern cognitive research. Scientific research of deep, pre-reflexive layers of understanding in the general structure and dynamics of meaning formation can bring

a new dimension to the discussion on the «geography of rationality». In the global world, when unique cultures interact, new harmonics of the general planetary consciousness are formed.

Keywords: thought, meaning generation, consciousness, unconscious, subject, complexity, reality, nonlinearity, truth, space, time, geometry, «geography of rationality».

Bibliographic description for citation:

Gerasimova I. Thought and its “Garments”. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 57–76. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-57-76.

References

1. Rak I.A., ed. *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian translations]. 2nd ed. St. Petersburg, Zhurnal “Neva” Publ., Letnii sad Publ., 1998. 480 p.
2. Afonasin E.V., Afonasina A.S., Shchetnikov A.I. *Pifagoreiskaya traditsiya* [The Pythagorean tradition]. St. Peterburg, RHGA Publ., 2014. 747 p.
3. Voloshinov A.V. Gomer – Dante – Solzhenitsyn: fraktaly iskusstva [Homer–Dante–Solzhenitsyn: fractals of art]. *Yazyki nauki i iskusstva* [Languages of Science and Art]. Moscow, Izgevs, Institut komp’yuternykh issledovaniy Publ., 2004, pp. 153–160.
4. Voloshinov A.V. *Pifagor: soyuz istiny, dobra i krasoty* [Pythagoras. The Union of Truth, Goodness and Beauty]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2007. 224 p.
5. Voloshinov A.V. Eshche raz o matematicheskoi traditsii krasoty [Once again about the mathematical tradition of beauty]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2008, no. 8, pp. 102–112.
6. Voloshinov A.V., Taboyanova Yu.V. Khaos drevnii i sovremennyi [Ancient and modern chaos]. *Chelovek*, 2018, no. 4, pp. 102–112. (In Russian).
7. Gerasimova I.A. Konstruktivizm kak logicheskii stil’. Problema kitaiskoi logiki [Constructivism as a logical style. The Problem of Chinese Logic]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2016, vol 9, no. 4, pp. 128–146.
8. Gerasimova I.A. O prirode mysli. Po materialam drevnerusskoi knizhnosti [On the nature of thought on the basis of ancient Russian literature]. *Filosofskie nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2017, no. 10, pp. 39–54. (In Russian).
9. Gerasimova I.A., Mil’kov V.V., Simonov V.A. *Sokrovennye znaniya Drevnei Rusi* [The secret knowledge of Ancient Russia]. Moscow, Knorus Publ., 2015. 688 p.
10. Gerasimova I.A., Burgete Ayala M.R., Kiyashchenko L.P., Rozin V.M. *Slozhnost’ i problema edinstva znaniya. Vyp. 2. Mnozhestvennost’ real’nosti v slozhnom mire* [Complexity and the problem of integrity of knowledge. Iss. 2. Multiple realities in a complex world]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 2019. 252 p.
11. Zaitseva N.V. Simulyatsiya v argumentatsii [Simulation in Argumentation]. *Ratio.ru*, 2011, no. 6, pp. 36–55. (In Russian). Available at: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3159/> (accessed 22.08.2020).
12. Ibn Arabi. *Izbrannoe*. T. 1 [Selected works. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., Sadra Publ., 2013. 216 p. (In Russian).

13. Ivanov A.V., Fotieva I.V. *Filosofiya mysli Pavla Florenskogo* [Philosophical thought of Pavel Florensky]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 92–110. (In Russian).
14. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Sinergetika. Nelineinost' vremeni i landschafty koevolutsii* [Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 272 p.
15. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove*. V 5 kn. Kn. 4. *Mudrost' slova* [Ancient Russia: a legacy in the word. In 5 bk. Bk. 4. Wisdom of the word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011. 480 p. (In Russian).
16. Krushinskii A.A. *Logika Drevnego Kitaya* [Logic of Ancient China]. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*, 2016, vol. 9, no. 4, pp. 111–127. (In Russian).
17. Krushinskii A.A. *Subjekt, prostranstvo, vremya: kak chitat' drevnekitajskij tekst* [Subject, Space, Time: How to Read Ancient Chinese Text]. *Round table “Geography of Rationality”* (RAS Institute of Philosophy, March 31, 2020). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=rB6PSXi0vhY> (accessed: 03.06.2020) (in Russian).
18. Lavrenova O.A. *Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landschafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2010. 330 p.
19. Leibniz G. *Pis'ma i esse o kitaiskoi filosofii i dvoichnoi sisteme ischisleniya* [Letters and Essays on Chinese Philosophy and Binar Arithmetic]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 2005. 404 p. (In Russian).
20. Simonov R.A. *Russkaya astrologicheskaya knizhnost' (XI – pervaya chetvert' XVIII veka)* [Russian astrological bookness (XI – The first quarter of XVIII centuries)]. Moscow, Mir knigi Publ., 1998. 147 p.
21. Smirnov A.V. *Logika smysla: teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoi filosofii i kul'tury* [Logic of meaning. The theory and its application on the analysis of classical Arab philosophy and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 504 p.
22. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p.
23. Plato. *Gosudarstvo* [State]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 3 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, pp. 79–420. (In Russian).
24. Yakimova N.N. *Fraktaly V selennoi i zolotoe sechenie: strukturnoe i ritmicheskoe edinstvo mira* [Fractals of the Universe and the Golden Ratio: structural and rhythmic unity of the world]. Moscow, URSS Publ., 2008. 368 p.
25. Meier C.A., ed. *Atom and Archetype. The Pauli/Jung Lettes, 1932–1958*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2014. 320 p.
26. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 1999, no. 22, pp. 577–660. Available at: <http://www.cogsci.ucsd.edu/~coulson/203/barsalou.pdf> (accessed 22.08.2020).
27. Donald J.N., Sandra B.K., Zanden B. Van, Duineveld J.J., Atkins P.W.B., Marshall S.L., Ciarrochi J. Does your mindfulness benefit others? A systematic review and

meta-analysis of the link between mindfulness and prosocial behavior. *British Journal of Psychology*, 2019, no. 110 (1), pp. 101–125. DOI: 10.1111/bjop.12338.

28. Van Dam N.T., Vugt M.K. van, Vago D.R., Schmalzl L., Saron C.D., Olenzki A., Meissner T., Lazar S.W., Kerr C.E., Gochov J., Fox K.C.R., Field B.A., Britton W.B., Brefczynski-Lewis J.A., Meyer D.E. Mind the Hype: A Critical Evaluation and Prescriptive Agenda for Research on Mindfulness and Meditation. *Perspectives on Psychological Science*, 2018, no. 13 (1), pp. 36–61. DOI: 10.1177/1745691617709589.

29. Guinárães M.H., Pohl C., Bing O., Varanda M. Who is doing inter- and trans-disciplinary research, and why? An empirical study of motivation, attitudes, skills, and behaviours. *Future*, 2019, vol. 112, p. 102441. DOI: 10.1016/j.futures.2019.102441.

30. Jung C.G. *Dream Symbols of The Individuation Process. Notes of C.G. Jung's Seminar on Wolfgang Pauli's Dreams*. Ed. by S. Gieser. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2019. 371 p.

31. Kreplin U., Farias M., Brazil I.A. The limited prosocial effects of meditation: A systematic review and meta-analysis. *Scientific Reports*, 2018, vol. 8 (1), p. 2403, DOI: 10.1038/s41598-018-20299-z.

32. Lavrenova O. *Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscapes*. Cham, Switzerland, Springer, 2019. 216 p.

33. Luberto C.M., Shinday N., Song R., Phipotts L.L., Park E.R., Fricchione G.L., Yeh G.Y. A Systematic Review and Meta-analysis of the Effects of Meditation on Empathy, Compassion, and Prosocial Behaviors. *Mindfulness*, 2018, no. 9 (3), pp. 708–724. DOI: 10.1007/s12671-017-0841-8.

34. Olteanu A., Rabitz F., Jurkeviciene J., Budzyte A. The case for a semiotic method in Earth system science: Semantic networks of environmental research. *Sign Systems Studies*, 2019, vol. 47 (3/4), pp. 552–589.

35. Santos G.C. Philosophy and Complexity. *Foundations of Science*, 2013, vol. 18 (4), pp. 681–686. DOI: 10.1007/s10699-012-9321-8.

36. Weaver W. Science and Complexity. *American Scientist*, 1948, vol. 36, pp. 536–544.

The article was received on 13.05.2020.

The article was reviewed on 13.06.2020.